
Михайловский А. В., Штёкль К. Интервью с Сергеем Хоружим об истории и современном состоянии отечественной религиозной мысли // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 1. — С. 169–181.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВСКИЙ, КРИСТИНА ШТЁКЛЬ*

ИНТЕРВЬЮ С СЕРГЕЕМ ХОРУЖИМ ОБ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-169-181.

Разговор с Сергеем Сергеевичем Хоружим состоялся 4 марта 2015 года во время его визита в Институт наук о человеке в Вене. Вопросы задавали на тот момент внештатные сотрудники института д-р Кристина Штёкль и к. филос. н. Александр Михайловский. Беседа проходила на английском языке. Расшифрованный текст интервью с сокращениями был опубликован в журнале *Studies in East European Thought: Michailowski A., Stoeckl K. Interview with Sergey Horujy // Studies in East European Thought. — 2016. — Vol. 68, no. 2/3. — P. 1–8.* Русский перевод выполнен А. В. Михайловским.

Александр Михайловский: Сейчас здесь, в Институте наук о человеке, готовится перевод нескольких эссе В. В. Бибахина из книги «Другое начало» (2003)¹. Одно из них, эссе «Для служебного пользования», описывающее механизм интеллектуального производства позднего советского времени на примере ИНИОНовских сборников, начинается с несколько загадочной фразы:

*Михайловский Александр Владиславович, к. филос. н., доцент, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), amichailowski@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9687-114X; Штёкль Кристина, PhD, профессор социологии в Университете Инсбрука (Австрия), руководитель проекта POSEC—Postsecular Conflicts (при поддержке фонда ERC), contact@kristinastoeckl.eu, ORCID: 0000-0001-5043-2977.

**© Михайловский, А. В.; Штёкль, К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹*Бибахин В. В.* Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — (Слово о сущем ; 47). Книга вышла в 2020 году, она включает в себя перевод эссе «Для служебного пользования»: *Bibichin V. Der andere Anfang / hrsg. und mit einer Einl. vers. von A. Michajlovskij ; aus dem Russischen übers. von V. Ammer. — Berlin : Matthes & Seitz Verlag, 2020.*

Власть начала искать идеологические альтернативы марксизму рано. Уже в 1973 году мы знали, что военные политические стратеги планируют скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение армии православие².

Вы могли бы сказать про себя то же самое, а именно — что уже тогда «знали», что на уровне советской номенклатуры велась такая разведка альтернатив марксизму?

Сергей Хоружий: Я не отношу себя к этому «мы». Я ничего не знал о подобных планах руководства Советского Союза или высокопоставленных военных чиновников. Более того, мне кажется маловероятным, что подобные планы вообще существовали. Предполагаю, что под этим «мы» не могут иметься в виду и люди нашего привычного окружения тех времен, то есть, грубо говоря, квази-диссидентствующая христианская интеллигенция вокруг отца Александра Меня. Разумеется, мы считали

церковную иерархию тех лет полностью зависимой от коммунистического руководства. Но мы даже не могли представить, будто партийное начальство или военные рассматривали возможность замены марксизма на православие. На подобные идеи не было и малого намека, по крайней мере, в кругах церковных диссидентов. Вообще, конечно, «диссиденты» — это не очень подходящее слово для таких людей, как о. Александр или тех, кто был рядом с ним, например, для меня или наших ближайших друзей.

А. М.: Но что могло побудить Бибихина сделать такое утверждение?

С. Х.: То время, 1970-е и 1980-е годы в Советском Союзе, было эпохой «идеологического сознания», как я это называю. Замена марксизма православным христианством означала бы радикальный выход за рамки этой идеологической модели сознания, а это казалось просто невообразимым. Однако, возможно, Бибихин имеет в виду какую-то другую группу людей. Ведь в то время он также был близок к кругу людей, в котором вращались философы из ИНИОН, Института социологии, авторы «Философской энциклопедии». Одной из участниц

² *Бибихин В. В.* Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — (Слово о сущем ; 47): 181.

этой группы была тогдашняя жена Бибихина Рената Александровна Гальцева. В этот круг входили и члены партии, люди с инсайдерской информацией. Они гораздо лучше знали, чем занимаются высшие функционеры и, возможно, могли вполне допускать такой сдвиг. Правда, если бы такой сдвиг и случился, он означал бы просто верх цинизма, а не произошедшую трансформацию сознания. Видите ли, поиск альтернативы, исходящий из циничных установок и внутренней пустоты, все-таки не то же самое, что план замены марксизма Русской православной церковью. Однако я очень сомневаюсь, что такие планы существовали. То были кухонные разговоры.

С. Хоружий дает интервью в Институте наук о человеке (Вена, 2015 год) /
S. Khoruzhiy gives an interview at the Institute for Human Sciences (Vienna, 2015)

А.М.: В своем исследовании о «Русской партии» Н. Митрохин³ утверждает, что в 1974 г. во втором номере нелегального журнала «Московский сборник», который выходил под девизом «Проблемы нации и религии», Вы опубликовали под псевдонимом С. Глебов статью

³Митрохин Н. А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. — М. : Новое литературное обозрение, 2003.

«Л. Карсавин. Биографический очерк». Правильно ли раскрыт этот псевдоним и если да, то как Вы рассматривали тогда свое сотрудничество с Л. Бородиным, редактором журнала и одним из лидеров «Русской партии»?

С. Х.: Я много где писал о своем отношении к советскому диссидентскому движению. В целом нельзя сказать, что я безоговорочно его поддерживал. Некоторые особенности этого движения — саму атмосферу, стиль, то, как действовали эти люди, их этические принципы — всего этого я не мог одобрить. Но, конечно, я разделял его антикоммунистические и анти тоталитарные позиции. Собственно говоря, я лично знал большинство лидеров диссидентов того периода, особенно в Москве. Эти диссиденты сумели создать вокруг себя некую среду единомышленников. Можно сказать, что я был частью этой среды — не был вовлечен, но поддерживал. Например, всем было известно, что я весьма неплохо знаю русскую эмигрантскую литературу, и поэтому меня просили составлять списки книг, которые нужно было заказывать на Западе и привозить в Советский Союз. Длинные списки философских и богословских книг. И понимаете, время от времени эти мои списки действительно срабатывали, книги приходили, их можно было читать и использовать.

А. М.: Но все-таки что Вы можете сказать о той статье в «Московском сборнике» и сотрудничестве с Леонидом Бородиным?

С. Х.: Хотя я не одобрял общей атмосферы диссидентского движения, однако в то же время у меня было довольно высокое мнение о некоторых конкретных членах этого движения. Некоторых из них я знал довольно близко. Прежде всего, я хотел бы назвать здесь двух человек, лидеров двух противоположных течений или крыльев. Один прозападно ориентированный, Сергей Григорьянц был одним из главных лидеров европейских диссидентов. Другой — Леонид Бородин, лидер противоположного, так называемого националистического или русского течения в диссидентском движении. Мне оба они нравились. Рискну утверждать, что они были моими друзьями. Так получилось, что их арестовали почти одновременно, может быть, с разницей в неделю. Я виделся к каждому из них всего за несколько дней до ареста. Обычно такие люди, как они, заранее знали, что их готовятся арестовать. Думаю, это было в начале 70-х.

А. М.: Бородин был арестован в 1967 и освобожден в 1973, Сергей Григорьянц был арестован в 1975 году...

С. Х.: В начале 70-х я написал свои первые тексты по религиозной философии. Когда я услышал от этих людей, что у них есть какие-то

издательские проекты, я просто передал Леониду и Сереже свои тексты, чтобы они ими распоряжались. Мне вообще не нравились псевдонимы, но, с другой стороны, я прекрасно понимал, что не могу публиковаться под своим настоящим именем, поэтому я не давал им даже названия. И я не знаю, что было потом. Таких текстов было несколько: один о Флоренском, один о Карсавине. Потом был один самиздатский проект, о котором я знал немного больше: речь шла о сборнике статей «Слово», посвященном годовщине священства отца Александра Меня. Там вышел мой первый философский текст о философии символов. Я знаю, что сборник был опубликован, но самой книги я никогда не видел.

А. М.: То есть Вы хотите сказать, что Вы не знали всех Ваших псевдонимов?

С. Х.: Совершенно верно! Не знал. Но из вашего вопроса я догадываюсь, что этот текст про Карсавина под псевдонимом Глебов, скорее всего, мой. Видите ли, мне не нравилась сама идея псевдонима. Если бы мне сказали, что я должен выбрать псевдоним, я бы, наверное, решил назвать свое настоящее имя.

А. М.: А как бы Вы оценили сейчас свое тогдашнее сотрудничество с Бородиным?

С. Х.: Конечно, уже тогда Бородин был лидером этого направления, но его нельзя назвать русским националистом в современном смысле слова, то есть он не был агрессивно или антисемитски настроенным. Ничего подобного. Я бы сказал, что для меня образ Бородина в тот период был связан с Валентином Распутиным. Первые очерки и романы Распутина пользовались большой популярностью не только среди русских националистов. Если хотите, то был национализм с человеческим лицом. Вот такое впечатление произвели на меня Распутин и Леонид Бородин. Но тогда, в постсоветский период, я больше ни разу не встречался ни с Бородиным, ни с Григорьянцем. Что-то тогда закончилось.

А. М.: В 1990-е годы Леонид Бородин работал главным редактором журнала «Москва».

С. Х.: Да, у него была довольно заметная должность, но я боюсь, что его деятельность в качестве редактора этого журнала уже не имела того «человеческого лица». Он взял на вооружение более грубую версию национализма. Но, как я уже сказал, в то время мы уже больше не встречались.

А. М.: В Вашей книге «После перерыва. Пути русской философии»⁴ есть глава под названием «О мародерах». В примечании к ней Вы пишете, что эта статья была ответом на «пространный очерк профессора М.», посвященный критике «русской идеалистической философии». Не могли бы Вы очертить контекст, в котором создавалась эта статья? В конце 1980-х — начале 1990-х произошло новое открытие Серебряного века русской философии. Вы сами многое для этого сделали и писали о том, что существует «насуцная нужда в обретении исторической памяти, преодолении разрывов, зияний и белых пятен в нашей духовной истории». Вы также говорили о необходимости «возвращени[я] народу его культурного наследия во всей полноте». Какие трудности и риски Вы видели на этом пути? Со времени публикации Вашей книги прошло двадцать лет. Можем ли мы сказать, что на сегодня эта задача выполнена или необходимы дополнительные усилия?

С. Х.: Одна из широких издательских кампаний первых постсоветских лет называлась «Возвращение забытых имен». Это был важный шаг на пути к реабилитации философов Серебряного века, действительно самых значительных русских философов вплоть до сегодняшнего дня. Нет никаких сомнений, что русский Серебряный век — это культурный феномен мировой значимости. И потому возвращение их мысли из почти полного забвения можно было только приветствовать.

Но возникли и определенные препятствия, связанные не столько с восприятием этих текстов, сколько с самим процессом их реабилитации. Кампанию по возвращению забытых имен с самого начала оседлали официальные советские философы, чьи прямые обязанности состояли в критике религиозной философии. Эти люди год за годом зарабатывали свой хлеб ложью, очерняя русскую религиозную мысль. Они ее не понимали. Но именно они, благодаря своему положению, возглавили программу по возвращению забытых имен. Именно это я хотел подчеркнуть в своей статье «О мародерах».

А. М.: Вы говорите, кампания развернулась в начале 1990-х годов?

С. Х.: На самом деле раньше, еще в конце 1980-х. Я могу восстановить хронологию довольно точно, поскольку сам был вовлечен в этот процесс на самых ранних стадиях. Все началось в 1989-м, а затем стало развиваться в очень быстром темпе. Есть известный анекдот — думаю,

⁴Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. — СПб. : Алетей, 1994.

это реальная история, не вымышленная, — что последний указ Политбюро ЦК КПСС был направлен на организацию большой кампании по изданию трудов русских религиозных философов.

А. М.: «Возвращение забытых имен» происходило на страницах журнала «Вопросы философии»⁵.

С. Х.: Одним из ближайших соратников Горбачева в те годы был Александр Яковлев. Его сына направили в «Вопросы философии» — не на место главного редактора, конечно, поскольку главным редактором был старый партийный работник, но в качестве секретаря редакционной коллегии. И *de facto* он стал тем человеком, который все организует и набирает сотрудников: сын второго человека во власти после Горбачева! Поэтому «Возвращение забытых имен» проводилось в очень широких масштабах, но все его активные участники были партийными функционерами. Это означало, что процесс с самого начала включал в себя очень много лжи, фальсификаций, двусмысленных умолчаний и, разумеется, непрофессионализма. Оглядываясь назад сейчас, я бы сказал, что эта смесь составляла сам дух ельцинской России, но тогда я еще не вполне это понимал. Глядя из сегодняшнего дня, не приходится удивляться тому, как тогда шли дела.

Кристина Штёкль: То есть Вы хотите сказать, что, когда пришло время и русская религиозная мысль могла наконец пробиться из подполья в общественное сознание, возглавили этот процесс не Вы и подобные Вам — религиозные диссиденты, заботившиеся об этом наследии и десятилетиями поддерживавшие в нем жизнь, — а люди из КПСС?

С. Х.: Именно так. Позвольте рассказать вам один случай, довольно типичный. Главные идеи русской религиозной мысли, такие как *соборность*, или *всеединство*, были немедленно использованы высокопоставленными партийными функционерами, которые принялись организовывать большие проекты с западным финансированием. Мы с Владимиром Библихиным в то время сотрудничали с немецким профессором Петером Козловски из Ганновера, директором Института философских исследований. В 1990-е годы он поддерживал очень активные контакты с Россией, был искренне заинтересован в том, чтобы помочь возродить русскую философскую жизнь. Петер довольно регулярно приезжал в Москву, организовал множество проектов, и однажды,

⁵С 1989 году издательство «Правда» выпускало книжную серию «Из истории отечественной философской мысли», которая являлась приложением к журналу «Вопросы философии».

когда я был в Ганновере, он попросил меня помочь ему разобраться с горой заявок на получение финансовой помощи. Дело в том, что всякий раз, когда он приезжал в Россию, его немедленно окружали люди с такими заявками. Продираясь через гору этих документов, я увидел, что они были очень разными, иные совершенно безумными, но одна категория отличалась общими характерными признаками. Это были проекты, требовавшие огромных денег — десятков, сотен тысяч долларов; их названия, описания и планы были подчеркнуто христианскими; и все они были составлены людьми из КГБ. Не прямо из самого КГБ, а теми, кого мы называли «чекистскими философами»: из высших учебных заведений для партийной и кэзгэбэшной верхушки, из закрытых организаций, о которых я ничего не знал, или из открытых институций, таких как Академия общественных наук при ЦК КПСС. В то время, в начале 1990-х, все ведущие профессора в подобных местах не просто были членами партии, но и имели связи с КГБ. Именно такие люди начали просить о богатом западном финансировании для русской христианской мысли! И подчас добивались успеха. В тот раз я объяснил моему другу Петеру что к чему, но это был лишь один случай. В других они получали все, что хотели.

А. М.: Но разве то, что Вы нам только что сказали, не возвращает нас к первому вопросу и к тезису Бибикина, а именно — что коммунистические идеологи начали рассматривать православие как альтернативу марксизму «очень рано»? Можем ли мы быть уверены, что Бибикин пишет о 1970-х годах, когда говорит это, или на самом деле размышляет об исторических корнях процесса, который он пережил прямо во время написания данной статьи? Не отражает ли это утверждение реальность происходившего в 1989, 1990, 1991 годах?

С. Х.: Понимаете, мы говорим о довольно длительном периоде. События развивались непредсказуемым образом. Тем не менее, даже учитывая то, что только что было мной сказано об этих людях, об их интересе к христианской мысли, я не думаю, что в 1973 году у них были такие планы. Скорее нет. Это стало чем-то вроде мгновенного коллективного решения, продиктованного контекстом. Всё случилось чуть ли не случайно. Я почти уверен, что многие из них, когда Горбачев пришел к власти в 1985 году, вообще не думали о таких перспективах, не думали даже в 1987 или 1988 году. Но затем, начиная с 1989 года, они увидели, к чему идет дело, и быстро сориентировались.

Приведу еще один пример. В то время — а тогда мои сочинения по русской религиозной философии уже получили известность, стали публиковаться — эти люди иногда связывались со мной. Помню, как один из них подошел ко мне на некоем публичном мероприятии и отрекомендовался главой Мирового конгресса Троицы и Соборности. Он предложил и мне присоединиться к его конгрессу. Позже я узнал, что этот человек был профессором Высшего училища КГБ. Такой конгресс действительно был основан, он существовал и организовывал различные мероприятия. Вот что представляло из себя «Возвращение забытых имен».

К. Ш.: Что Ваша история помогает понять про сегодняшнюю ситуацию? Вы знаете, что президент Путин недавно цитировал в своих речах Бердяева и Ильина?

С. Х.: Здесь надо сказать еще одно. Несмотря на все отвратительные вещи, о которых я здесь рассказываю, главная задача программы заключалась в том, чтобы издать тексты, сделать доступным для широкого читателя то, что было забыто на многие и многие годы. И вот с этой задачей справиться вполне удалось. Сегодня полный корпус текстов русской религиозной философии с легкостью доступен всем, кто ею интересуется. Так что в этом смысле возвращение успешно состоялось.

К. Ш.: А как их приняли?

С. Х.: Действительно, восприятие — это совсем другая проблема. Тексты стали доступны — но что дальше? Дальше оказалось, что они не очень-то и нужны. Точнее, я бы сказал, что восприятие всех главных фигур оказалось совершенно различным. Философы — яркие индивидуальности, и у каждого из выдающихся мыслителей Серебряного века уже в наше время была своя собственная судьба. Судьба Вячеслава Иванова, например, сложилась очень счастливо. Вокруг его имени образовалось хорошее академическое сообщество как в России, так и за рубежом. Это сообщество более или менее едино, среди его членов нет особенных разногласий, где бы они ни работали — в России, в Беркли или где-то еще. Они проводят регулярные конференции, поддерживают общение друг с другом. У отца Павла Флоренского также появилось довольно устойчивое сообщество тех, кто изучает его наследие и публикует его работы. С Николаем Бердяевым сложилось как-то иначе, и так далее. Так что можно говорить о наборе индивидуальных способов восприятия. Случай с Иваном Ильиным тоже особенный: он стал главным автором для националистических кругов. Свое небольшое сообщество сложилось вокруг Льва Карсавина. Но очевидно, что восприятие того

или этого конкретного философа — это не то же самое, что восприятие их философии как исторического феномена в целом.

К. Ш.: Недавно у вас вышла на английском языке книга «Practices of the Self and Spiritual Practices» («Практики себя и духовные практики») ⁶, в которой вы вступаете в диалог с Мишелем Фуко. В своем одобрительном отзыве американский ученый Пол Валиер назвал ее «демонстрацией непреходящей жизненности русской православной интеллектуальной традиции в наше время». Как вы относитесь к этому определению?

С. Х.: Я очень благодарен моему другу Полу Валиеру за добрые слова, но опасаясь, что жизненность, о которой он говорит, не так уж и прочна — мягко говоря. Кроме того, я бы не сказал, что моя книга — о религиозной философии, пусть даже в каком-то более широком смысле ее можно считать продолжением этой традиции. Но что важнее, решительно нельзя говорить, что моя работа примыкает к какой-то школе или традиции современной русской философии. Сегодня у нас нет ни школ, ни традиций. Сегодня следует проводить различие между философией и богословием. И в богословии двух последних десятилетий мы действительно видим определенные сдвиги. Наиболее перспективная область в рамках восточно-православного дискурса в России сегодня — это богословие, не философия.

А. М.: Но в чем Вам видится главное препятствие на пути принятия русской религиозной философии? Почему у нас есть ученые, пишущие хорошие работы по патристике, но нет философов?

С. Х.: По многим причинам. Для начала мне кажется, во всем мире сегодня философская атмосфера не очень творческая. Я уже говорил, что с философской точки зрения мы до сих пор не видели полного принятия важного феномена русской религиозной философии. Но главное, чтобы двигаться вперед, нам прежде всего необходимо добиться усвоения сделанного раньше. Вместо движения вперед мы видим, что эта область практически сводится к изучению феноменов прошлого. Когда сегодняшних молодых людей начинает интересовать русская религиозная мысль, они организуют семинары по софиологии, имяславию — по очень старым явлениям, прекратившим существование более века назад.

К. Ш.: Давайте от философии обратимся к обществу, политике и Русской православной церкви. Московский патриархат за последние 25 лет

⁶ *Horusy S. S. Practices of the Self and Spiritual Practices. Michel Foucault and the Eastern Christian Discourse. — Cambridge : William B. Eerdmans Publishing Company, 2015.*

пережил крутой подъем, став более чем когда-либо заметным и богатым, увеличив число верующих и количество более или менее образованных священников, в том числе изучавших богословие за рубежом. Это возрождение РПЦ изначально, казалось, захватывает и религиозных интеллектуалов, прошедших через очень разный религиозный опыт в советское время. В частности, я думаю о наследии Александра Меня, оставшемся на периферии официальной церкви. Вы сами, например, вошли в состав Библейско-богословской комиссии. В последнее время ситуация выглядит вновь изменившейся, и стороннему наблюдателю вроде меня кажется, что националистическое крыло внутри РПЦ взяло верх и обрело доступ к политике. Мой первый вопрос: согласны ли Вы с таким описанием? И второй: как вы оцениваете и объясняете его? Что пошло не так и почему русское православие сегодня выглядит обреченным на повторение ситуации XIX века, когда возник раскол между свободно мыслящими религиозными интеллектуалами и официальной церковью, привязанной к государству?

С. Х.: Несомненно, мы видим сдвиг в сторону национализма, антизападничества и т. д. Он востребован сверху, со стороны правительства, и происходит в России повсюду. Церковь не может быть исключением. Более того, церковь всегда была местом, где националистические взгляды встречались чаще, чем в других слоях общества. Это с одной стороны. Но с другой стороны, средний уровень образования и эрудиции в последние годы неуклонно рос и продолжает расти. Так что рост национализма — это факт, но и развитие богословского образования — тоже факт. Вот только эти процессы не обязательно противоречат друг другу. В церкви появляется все больше хорошо эрудированных, неплохо образованных людей, которые в то же время являются националистами, монархистами и даже иногда сталинистами. Получается, что националисты вполне могут быть интеллектуалами и, наоборот, интеллектуалы могут быть националистами. Как видите, разделительные линии проходят не здесь, это не то, что не может быть совместимо друг с другом. Эти вещи вполне совместимы.

К. Ш.: Что тогда несовместимо? Существуют ли разделительные линии, структурирующие религиозный дискурс в либеральном, реформистском лагере и в лагере консервативном и националистическом?

С. Х.: Да, они существуют. Но вы не вполне правы насчет параллелей с XIX веком. Кардинальное отличие нашей ситуации от XIX века заключается в том, что сегодня такой группы, как русская интеллигенция, больше нет. Она исчезла. И в этом большая разница. Сегодня

нет группы со своими собственными независимыми идеями, этикой и стилем, которая в то же самое время находилась бы в оппозиции к церкви и государству.

К. Ш.: Насколько церковь ответственна за такое положение дел?

С. Х.: Церковь воспроизводит негативные черты из XIX века, из предреволюционной России, но не совсем те, которые предполагает ваш вопрос. Прежде всего воспроизводится то, что наиболее очевидно — чрезмерная бюрократизация, формализация церковной жизни, а также тесный союз с государством, полное смирение и раболепие перед ним. Вот эти-то черты отличали церковь и в предреволюционной России. Они очевидным образом воспроизводятся сегодня, иногда даже в большей степени, чем тогда.

К. Ш.: В чем же тогда разница в религиозной ситуации между сегодняшним днем и XIX веком?

С. Х.: Представители церкви сегодня постоянно подчеркивают, что церковь радикально поменяла свое положение, что она больше не Синодальная церковь, но Русская православная церковь Московского патриархата. И они правы, разница ощутима. Сегодняшняя церковь чувствует себя независимой силой в государстве. Но в последнее время, на мой субъективный взгляд, эта независимая сила, приобретенная церковью, работает в неправильном направлении. Ее олицетворением стали жадность, власть и деньги. Это не было свойственно предреволюционной церкви. Она не говорила языком власти и не стремилась к ней. Более того, та церковь была покорной. Она была одним из институтов внутри государственного механизма. Вопрос о борьбе за власть для нее не стоял. Я уверен, что эта жадность по отношению к власти и деньгам приведет к снижению общественной поддержки духовных кругов, к падению авторитета церкви. Это уже происходит, но пока только среди узкой прослойки городских интеллектуалов. Тем не менее, если ничего не изменится, недовольство церковью будет охватывать все более и более широкие слои.

К. Ш.: Но разве это не возвращает нас к предреволюционной ситуации, когда существовал раскол между церковью и народом, который был религиозен и в то же время критически относился к церкви?

С. Х.: Нет, потому что сегодня нет интеллигенции. Бердяев и Булгаков вели себя как члены гражданского общества. Сегодня хватает интеллектуалов самых разных направлений, но их нет как группы. Есть даже такие интеллектуалы, чьи взгляды более или менее воспроизводят

самосознание интеллигенции прежних времен. Но все это отдельные индивидуумы, они не составляют группу. Как мне кажется, единственная существующая на сегодня группа, наделенная самосознанием интеллигенции, — это небольшой кружок тех, кто находился под влиянием отца Александра Меня. Это сообщество более или менее едино, но это тонкая струйка. Больше чем одно поколение, почти два поколения сменились с тех пор, как погиб отец Александр. Но основанное им движение по-прежнему наделено внутренней силой.

Mikhailovsky, A. V., and K. Stoeckl. 2021. "Interv'y u s Sergeym Khoruzhim ob istorii i sovreennom sostoyanii otechestvennoy religioznoy mysli [Interview with Sergey Khoruzhiy on the History and Current State of Russian Religious Thought]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 5 (1), 169–181.

ALEXANDER MIKHAILOVSKY
PHD IN PHILOSOPHY; ASSOCIATE PROFESSOR
SCHOOL OF PHILOSOPHY AND CULTURAL SCIENCES
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);
ORCID: 0000-0001-9687-114X

KRISTINA STOECKL
PHD, PROFESSOR OF SOCIOLOGY
UNIVERSITY OF INNSBRUCK (AUSTRIA);
PRINCIPAL INVESTIGATOR

ERC FUNDED RESEARCH PROJECT POSEC—POSTSECULAR CONFLICTS; ORCID: 0000-0001-5043-2977

INTERVIEW WITH SERGEY KHORUZHII ON THE HISTORY AND CURRENT STATE OF RUSSIAN RELIGIOUS THOUGHT

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-169-181.